

* * *

такое богатое время
что сразу всего добела
иди упражняйся в смиренье
и крошки мети со стола
и форточку дергай устало
и в форточку эту кури
живи в глубине одеяла
конечно пока не умри
ведь сколько еще приключится
и сколько засунет зима
в дырявую эту тряпицу
доставшуюся задарма
на долгую-долгую темень
на охру и сепию стен
где черные тени растений
бросают фонарную тень
пока этот домик картонный
вокруг бытового горба
плывет по сугробам не тонет
достойн любого герба
пока на окраине слуха
по всем адресам городским
в цигейковых бродят треухах
веселые шарики духа
на тоненьких нитках тоски

м а ш а

хорошая маша не наша
становится менее важной
чем маша немного попроще
и в чем-то возможно поплоче
и новая маша другая
становится мне дорогая
как маша которая ближе
которую все-таки вижу
и с этой я машей согласен
делиться и преумножаться
а с машей которая здрасьте
с чего бы теперь обнажаться
а что мы себе обещали
в кого мы себя превращали
и чем мы себя утешали
не меркнет но как-то ветшает
становится чем-то плачевным
законченным и обреченным
прости меня маша зачем я
о чем я

* * *

если задуматься
ненадолго зажмуриться
весь этот дом вся эта улица
в ливне песке и копнах сырой листвы
становятся заменяемы вышел в
шел по питеру как бы но вдоль москвы

все что вручную отобрано далее выстрадано
заменяемо аналогом крупными блоками смысла
снова оделся в и обулся в
вышел к зубному какому-то снять швы
вышел из аккуратно закрыл за собой
за руку взял ребенка отвел в любой
ушел и пришел на работу вообще
отвлекать себя там от действительно важных вещей
например
выпить чаю
смотреть в окно
складывать текст в уме

* * *

мизогиния женских раздевалок
и душевых
стоишь среди разрозненных русалок
таких живых
никто из них не совершенен сразу
и ты и ты
куда бежать сознанию и глазу
от наготы
все виды увядающего тела
во всей красе
никто не хочет смертным и дебатым
как ты как все
никто не ждет игривых и влюбленных
хватать соски
уходит мыться целеустремленно
тянуть носки
яблонская и рембрандт и дейнека
закрой глаза
и гель забытый в душевом отсеке
и гулкий зал
и полчаса на плечи и коленки
и тишина
и пятьдесят от стенки и до стенки
и шесть до дна

* * *

из серого ящика с белым пятном
достать ленинградскую вечную «Смену»
в четвертой парадной открыто окно
и взгляд из окна упирается в стену
а в этой стене постоянно живут
и любят гардины закрыть забывая
такой страшноватый бедняцкий уют
с другим перепутать сумеешь едва ли

как будто в большую работу дана
тебе эта тонкая томная мука
и город янтарный во всех временах
и двор как инклюд без малейшего звука
воздушный пузырик пустая руда
лишенный свободы лишенный погоды
вода подступает спадает вода
и все как натура уходит уходит

и связка привычных тяжелых ключей
от двери парадной от двери квартиры
отдай и окажешься сразу ничей
ничем не привязанный к вещному миру
такие как ты выбирают вокзал
веселые речи открытые лица
и что там кому и когда не сказал
неважно забудется не сохранится

уедешь один приживешься везде
везде будет ярче контрастнее резче
а он будет плыть в равнодушной воде
заношен до дыр до асфальтовых трещин
забывший легко Ильича и Петра
тебя позабыть невеликое дело
ничуть и ничем не похожий на рай
навечно надетый на голое тело

* * *

в каждом городе сакрален подорожник
куст сирени светофоры через площадь
уезжаешь подыскать что подороже
возвращаешься и ищешь что попроще
что осталось безмятежным воскресным
как скамейка остановка передышка
как закатанные на зиму консервы
летний воздух сохранившие под крышкой
как разбитые привычно тротуары
как короткие полуденные тени
как качели на которых ты не старый
поднимаешься над липовым цветеньем

* * *

а знаешь, я люблю тебя так долго,
что это не испортить чувством долга
и, видимо, ничем не отменить.
и, как бы так сказать поаккуратней,
на солнце — пятна. на тебе есть пятна,
но нравятся мне все же не они.
а хочется — гордиться. быть спокойной.
я думаю, ты знаешь, что такое —
любить, не предъявляя ничего,
ни неких там особых пониманий,
ни фиги в незаштопанном кармане,
ни голоса, ни вида своего.
твоя дорога — не моя дорога.
мы оба знаем, что любимых много,
и это еще нужно заслужить:
не говорить, что было все впустую,
в конце концов поставить запятую,
смотреть и жить.

спасибо

просыпаешься в чистом поле
тут березонька там осина
много лишнего было что ли
но проснулся и то спасибо

зубы стискиваешь от боли
пепел внутренней хиросимы
но тебя научили в школе
потерпеть и сказать спасибо

это лучший манер прощаться
безнадежен и обессилен
смотришь в спину чужого счастья
губы складывают спасибо

даже сходишь с ума пассивно
ибо бросил тебя мессия
в этом тоже свое спасибо
правда выглядит некрасиво

мы могли бы родиться в рыбы
мы могли бы тупить как глыбы
мы до черта всего могли бы
может счастливы были бы
ни сюжета не знать ни кармы
мало пользоваться руками
а не так как сейчас веками
об одно разбивая лбы
но

видно надо чтоб миллиарды
на конвейере негасимом
не синхронно совсем не в лад но
выдыхали свое спасибо
славя переданный билетик
тех кого мы всегда в ответе
теплый голос бумажный ворох
май черемуху море горы
уши голову руки ноги
словом что там кому досталось
ненадолго и понемногу
на десяток веселых станций
с запотевшим оконным видом
с параллельным себе забором
с экскаватором темно-синим
с коробейником-инвалидом
с невозможностью отвертеться
отвернулись в свои приборы
заигрались продлили детство
но бормочем еще спасибо
удивляясь что жизнь прекрасна
забывая что жизнь прекрасна
признавая что жизнь прекрасна
и в итоге невыносима

калейдоскоп

Дом ушел, гном уехал. Во сне получила письмо
От любимого некогда — жидко сказать «горячо»,
Из времен, когда я поцелуи считала еще
И другим в ощущениях было мужское плечо.
Наяву он нормально женат, стало быть, ни при чем,
И, конечно, ни духом ни сном, это как-то само.

Призывал меня к блюду, куда-то на Дальний Восток,
Где ступеньки сбегали по склону в наплыве кустов,
Дом достался от бабки, внизу океан, за кустами.
Прочитала, проснулась, а может быть, дальше спала,
Понимая, что все это, кажется, переросла,
И куда они ходят ночами, вторые тела,
Беспокоит чуть меньше, чем то, что из них вырастает.

Я — хранитель осколков не очень удачливых дружб.
И неважно, какой бы он был (отвратительный) муж, —
Поддержать эту тему на клеточном уровне не с кем.
Я живу далеко, я смотрю высоко-высоко
В бесцензурный бесстыдный стекляшечный калейдоскоп,
И стекляшек становится больше на каждом отрезке.

И порою они таковы — ни себе, ни врагу,
И не хочешь, а смотришь поминки на синем снегу
И полночные тени от осиротевших бессрочно.
Но качнешь и успеешь увидеться с жизнью второй,
Полной хрупких, веселых, пронизанных светом щедрот,
Бесконечно далеких от этой оптической точки.

* * *

За новогодним настроением
пошли в поселок Ворошилова.
Там было только две шампанского,
довольно, кажется, паршивого.
Там ненакрашенные женщины,
уже усталые и трезвые,
горошки брали с майонезами,
как нам традицией завещано,
там «привези цветочек аленький»
шептала в телевизор родина.
И мы решили — две по маленькой
и ленточку светодиодную.
У края леса пиротехника
бабахи сыпала и сполохи,
а мы стояли, два бездельника,
перебирая всех, кто дороги,
и вроде дороги и сами мы,
и нам на всех хватило памяти,
и Новый год пришел без паники —
в ноль-ноль Москвы, по расписанию.

* * *

неловкие от слова говорить
стоят глядят стоят глядят в упор
один когда-то нес ее внутри
другой и не касался до сих пор
один успел ее похоронить
оплакать без чернил без февраля
нашли себе нейтральненькую нить
и тянут разговор за три рубля

один из них взведен взволнован взмок
другой как врач внимателен и тих
он бы и раньше мало чем помог
сегодня же совсем не по пути
но есть в его внимательности дно
невидимое даже для него
еще вчера он думал все равно
и час назад он знал что все равно
а вот что получается а вот

никто не хочет видеть нетепло
никто не хочет трогать пустоту
никто не хочет знать как все прошло
мы были тут мы говорили тут
и этого не стоит забывать
а тот кто неумело острием
к себе носил ее кричит мое
не дам мое как жаль не дам как жаль
и в общем-то не в силах продолжать

и скомканы какие-то слова
расходятся на год или на два
один задумчиво один дрожа
бежать бежать

жива
бежать
жива

* * *

а в кошке звук катается еще
а ты уже унес куда-то руку
клавиатура важные дела
стакан с другой поверхности стола
пятно которым пахнет горячо
остатки звука
и кошка угасает изнутри
переключается обои муха
и спрыгивает в этот белый свет
где точно так уже не будет нет
шерстинка коготь кисточка на ухе
смотри
смотри

* * *

смотри, я далеко уже ушла
по городу без яндекса-гугла,
по городу, не знающему карты,
в котором я летаю иногда,
пока не поднимается вода,
чтобы отсечь меня от точки старта.
на все про все каких-то полчаса.
я не запоминаю адреса.
бывает, память выхватит из тени
окошко, переулок, дом, забор,
но каждый раз чуть-чуть другой набор
значений в переменчивой системе.

но с крыши — да, наверное, всегда
все та же изумрудная вода,
Америка до самого Парижа,
большие горы, желтые пески,
и облако касается руки,
и солнце оглушительное ближе.
и каждый раз чуть дальше, на квартал,
я прохожу в невидимый портал,
я узнаю тектонику задверья.
там с каждым годом прибывает их —
гуляющих, взлетающих, своих —
молчащих о разлуке и потере.
к утру мы возвращаемся к себе,
справляемся, кто с картами, кто без,
шаг влево-вправо от меридиана,
и только по ночам, и то не все,
раскручиваем эту карусель
над крышами и краем океана.

когда-нибудь — не бойся, не кричи —
мне отдадут последние ключи,
и я уйду обыденно и тихо,
и вряд ли покажусь уже назад,
я вижу порт, я отыщу вокзал —
считай, что это мой пожарный выход.
но каждый понимает только сам —
где для него раскрыты небеса,
не в смысле небеса, а в смысле... слушай,
когда-нибудь, возможно, ты взлетишь
с коричневых и серых этих крыш,
как рыба, забывающая сушу.

* * *

раньше когда мы давились комками каши
ближе всего к небесам были эти наши
только они воспаряли над злом и фаршем
было понятно кем становиться дальше

чтобы подняться над кассой станком забоем
и улететь в невесомое голубое
стройные загорелые в звездной пыли
кем они не были мы никогда не были

как же нестройно сегодня на нашем марше
каша закончилась мы оказались старше
и почему-то закончились обещания
мальчик твои ожидания обнищали

маленький человек из какой воронки
сыплют другим приглашений писать колонки
шлют телеграммы о членстве и длинных списках
нету воронки должно быть она прокисла

кто ты сегодня паришь ли над черной бездной
часто ли бьет в твои фильтры поток небесный
разве что рекрутер подавив зевоту
этот с порога воистину знает кто ты

смысл карьеры в том чтоб ее не стало
где твое жало поэт убери блистало
кончилась каша уже подают второе
можно что хочешь пора соответствуй роли

звездную пыль разливают в свою же тару
будешь художник рисуй ничего не старый
хочешь писатель давай я скажу писатель
делай хоть что-то за что тебе не заплатят

хватит на всех редколлегий товарищ автор
не космонавты и черт с ним не космонавты
просто работай родимый скрипи болезный
правда и малоприятна и бесполезна

правда о том сколько весит душа без тела
сколько нам выдано сколько уже взлетело
ты интересен только когда ты вынешь
общее из-под частного и застынешь

* * *

когда людей друг к другу, скажем, тащит
грохочущим конвейером судьбы,
не думаешь же ты, что настоящей
причиной должен быть совместный быт,

что тайный смысл непрошенных явлений
лежит надежно в этом поколенье
и целеполагание лежит
в туда-сюда движении супругов,
не что там люди делают друг другу,
не просто, скажем, книжку одолжить.

пей кофе, чай, кури, сопротивляйся,
разгадывай кроссворд, беги в сельпо.
когда коту отстрипывают яйца,
и то он как-то властен над толпой,
поскольку кот не ведает сомнений,
приличий, обещаний и примет.
он может укусить, по крайней мере.
и может соскочить. а ты-то нет.